

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ПРОТИВ «НЕОСТАЛИНИЗМА»

Лев Яковсон

Лев Яковсон — доктор экономических наук, профессор, первый проректор и заведующий кафедрой государственного управления и экономики общественного сектора факультета экономики ГУ-ВШЭ, главный редактор журнала «Вопросы государственного и муниципального управления», член коллегии Министерства экономического развития РФ, автор и соавтор ряда принятых законопроектов по социальной сфере

Слово «модернизация» имеет как минимум два значения. Условно их можно обозначить так: модернизация-процесс и модернизация-проект.

В исходном своем понимании модернизация — объективный, как правило, эволюционный процесс трансформации преимущественно аграрных экономик в преимущественно индустриальные.

Есть страны, в которых модернизация в этом смысле практически завершена. Для них актуальны вызовы так называемого Постмодерна. Есть страны, где модернизация находится в на-

чальной стадии. Особенность России в том, что наша модернизация-процесс на редкость растянута во времени и в пространстве, причем проходила рывками и со срывами. Сегодняшняя чересполосица архаики, модерна и постмодерна взрывоопасна, пусть и не в такой степени, как перед 1917 годом. Эту разорванность надо преодолевать.

Но это не тождественно собиранию ресурсов и воли в единый кулак ради очередного мегапроекта плановой модернизации. **Идея таких проектов — сама продукт модернизации-процесса, но, скорее, его ранних стадий, когда еще не успели нахлебаться непредвиденными последствиями всякого рода поворотов рек и управления ходом истории.** Процесс модернизации сделал обыденным и насуточно необходимым плановый апгрейд всего, что человек творит своими руками. Однако потеря грани между тем, что сознательно сформировано человеком и тем, порождением, частью и проявлением чего он сам является, логически некорректна и крайне рискованна практически. Как писал Вольтер, «пусть каждый возделывает свой сад»: один модернизирует компьютеры, другой — управление собственной фирмой. Третий же, если он стоит во главе иерархии чиновников, — построение этой иерархии и правила работы в ней так, чтобы в больших и малых «садах» люди могли как можно комфортнее реализовывать собственные модернизационные устремления.

Насколько понимаю, мои коллеги при всех различиях их позиций в нашей дискуссии принимали как данность именно идею единого модернизационного мегапроекта. Конечно, **осторожнее всех Евгений Григорьевич Ясин, а отчаяннее всех — Михаил Делягин.** Он безапелляционно решает,

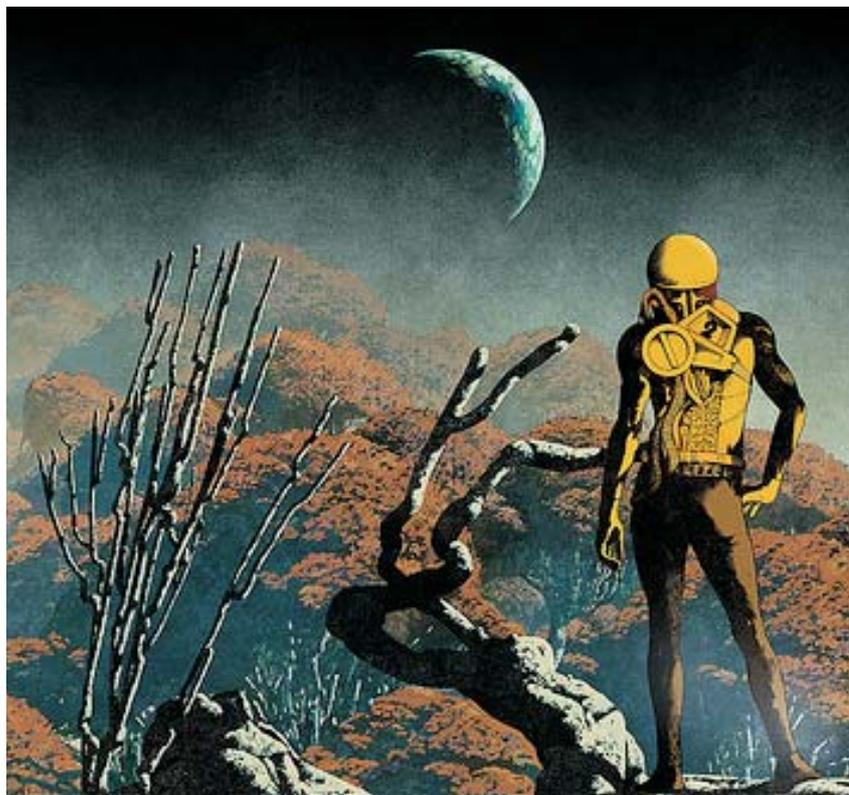
что приемлемо, а что неприемлемо «для нас» в сталинской модернизации. Для кого «для нас»? В рассуждениях Михаила и иже с ним — а имя им легион — так и рвутся наружу комплексы интеллигента, которому не терпится перекроить все вокруг в соответствии с собственными представлениями (в основном, вычитанными из книжек). К Сталину это имеет отношение лишь постольку, поскольку его приход был подготовлен подобными же интеллигентами, сгинувшими затем в лагерях. Имею в виду не только «ленинскую гвардию», но и всех, кто увлекался разнообразными «снами Веры Павловны» и убеждал себя и других, будто ради счастья человечества все дозволено. Впрочем, **немногие практические рекомендации, которые у Делягина следуют за рассуждением о неосталинизме, по большей части выглядят неоригинально либеральными.** В чем была необходимость декларировать неосталинизм? Не в том ли, чтобы заявить: «либо погибель, либо никаких отступлений от единой истины, а истина суть мои взгляды»?

Не только Делягин, но и все участники дискуссии, включая автора этих строк, принадлежат к весьма специфической, крайне немногочисленной, нерепрезентативной для нашего общества, но поразительно амбициозной группе лиц — к так называемому экспертному сообществу (причем только в московской его части). Не так давно я проводил эмпирическое исследование экспертного сообщества и получил довольно грустную картину. Она опубликована. Каждый может убедиться, что качество и нравы нашего сообщества, мягко говоря, нуждаются в модернизации.

Кто уполномочил экспертов предписывать России, какой ей быть? Так ли благородна миссия разработки рецептов «больших

скачков», по определению предполагающих насилие над волей большинства? Ведь не каждый, решившийся на «неосталинизм», столь скромно распоряжается открывающимися возможностями, как Деягин. И, даже если отмахнуться от этого вопроса, остается другой: с чего некоторые из нас вообразили, будто мегапроекты реализуемы в режиме — помните, как в «Войне и мире» — *die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert?* Толстой не убедил тех, кто строил мегапроекты сто лет назад, но у нас-то перед глазами их опыт.

Эксперты могут и должны играть ключевую роль в модернизационных процессах, но не измышляя величественные мегапроекты, а предлагая технологичные решения для наших многочисленных «садов», так нуждающихся в грамотном возделывании. Не в последнюю очередь это «сад» федеральной власти. Эффективность государственного управления, обуздание коррупции — кто только об этом не рассуждает, а технологичные рекомендации редки. Вместе с тем, огромен потенциал модернизации на региональном и особенно муниципальном уровне. У регионов и муниципалитетов уже слишком многое забрали «в единый кулак», пора отдавать ресурсы и поощрять инициативу. **Ложной видится мне и дилемма: или индустриальное развитие, или ставка на все постиндустриальное.** Нужна прежде всего атмосфера, благоприятствующая предпринимательской инициативе, будь то в нанотехнологиях, станкост-

ние населения и создание условий для инициативной самоорганизации граждан.

Китайский опыт впечатляет, но должны ли мы его копировать? **Идея модернизационного мегапроекта — это не сегодняшний Китай, а то, от чего он настрадался полвека назад и антитезой чему стала стратегия Дэн Сяопина.** По смыслу она схожа со стратегией Столыпина, едва не выручившей Россию на аналогичном этапе модернизации: создать единый поток, развязав, а не ограничив инициативу. Другой вопрос, что в Китае не принято публично сжигать все, чему поклонялись. Портрет Мао висит на Тяньаньмэнь,

накладывается жесткая конкуренция региональных и местных властей. И это не «социалистическое соревнование» по неким сверху установленным показателям, а реальная конкуренция за привлечение бизнесов и их доходность.

Китай — формально унитарное государство, но по тем критериям, которые приняты у экономистов, он — федерация в гораздо большей степени, чем Россия. Между прочим, ссылки на китайский опыт — общее место в современных работах по экономическому федерализму, демонстрирующих преимущества децентрализации в противоположность «единому строю».

Соседство с Китаем дает нам хорошие шансы на сотрудничество. Но, разумеется, не следует забывать о рисках. И главный из них — не опасность доминирования, хотя она реальна, а опасность срыва. Та растянутость модернизационного процесса во времени и, особенно, в пространстве, о которой я говорил применительно к России, характерна и для Китая. Если случится срыв, никому в мире мало не покажется. ■

Ложной видится дилемма: или индустриальное развитие, или ставка на все постиндустриальное

роении, сельском хозяйстве или ремонте обуви. Нужны, конечно, и целевые проекты поддержки прорывов, но опять-таки разных, как собственно технологических, так и, например, прорывов нашей традиционной продукции на новые рынки. Но все же есть две сферы, которым я отдал бы абсолютный приоритет в модернизационном процессе. Это сбереже-

но подходы кардинально изменились.

Хозяйство в этой стране устроено специфическим образом. При доминировании государственной собственности там всячески поощряется вполне рыночная конкуренция внутри государственного сектора, не говоря о частном. Более того, на жесткую конкуренцию предприятий

Специально для РЖ